

Юлия Язикова

Системные отношения в пределах одной лексико-семантической группы : по материалам художественной прозы М. Горького

Studia Rossica Posnaniensia 3, 91-99

1972

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЮЛИЯ ЯЗИКОВА

Горький

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДЕЛАХ ОДНОЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

(по материалам художественной прозы М. Горького)¹

Положение о системности в лексике доказано большим числом работ. Доказанное в целом, оно еще долго будет нуждаться в конкретных работах, не только вскрывающих самый факт взаимообусловленности, но и показывающих формы взаимосвязи лексических единиц.

Системность словаря писателя и до сих пор не кажется убедительной многим ученым, хотя еще в 1940 году Л. В. Щерба писал: „Надо думать, что действительный словарь того или иного писателя, вообще или в определенный период его творческой деятельности, представляет собой систему (хотя это как раз то, что показать и является очередной научной проблемой)”². В прямой связи с этой мыслью Л. В. Щербы стоит общая направленность работы над составлением „Словаря М. Горького”, начатая в 50-е годы Б. А. Лариным в Ленинградском университете. Характеризуя исходные теоретические позиции Словаря, Б. А. Ларин писал: „Как в словаре-тезаурусе национального языка, так и в полном словаре писателя основная задача не в объяснении непонятого слова или его необычного употребления, а в систематизации и истолковании всего лексического богатства национального языка или сочинений писателя, как внутренне целостного (отражающего сложившуюся идеологию), эпохального (четко ограниченного во времени и характеризующего свою эпоху) и вполне объективного, исключаящего произвол отбора, оценочный или предвзятый подход (ибо всякий пробел, всякое упущение лишают возможности составлять точные, достоверные суждения о данной лексической системе)”³.

---

¹ Настоящая статья развивает идеи, изложенные в докладе на Межвузовском симпозиуме составителей „Словаря М. Горького” в мае 1966 года.

² Л. В. Щерба, *Опыт общей теории лексикографии*. В кн.: *Избранные работы по языкознанию и фонетике*, т. I, Ленинград 1958, стр. 58.

³ Б. А. Ларин, *Основные принципы словаря автобиографической трилогии М. Горького*. В сб.: *Словоупотребление и стиль М. Горького*, Ленинград 1962, стр. 4.

Ученики Б. А. Ларина, объединенные вокруг „Словаря М. Горького”, описывают своеобразие лексики писателя, устанавливая характер взаимоотношений между словами, составляющими самостоятельные лексико-семантические группы слов, между лексико-семантическими группами слов или в семантической структуре отдельного слова⁴. Данная статья ставит перед собой задачу выявить характер смысловых отношений в пределах одной группы слов.

Для обозначения перехода вещества из твердого состояния в жидкое под воздействием нагрева в русском языке употребляются глаголы *таять* — *топиться* — *плавиться* (и производные)⁵. Естественно, они определенным образом делят семантическое поле. Наиболее четко сформулировано это разделение в словаре Даля: „лед, снег тает, коли нет морозу; воск тает только в жарком месте, он топится, растопляется, а медь плавится; тает то, что заморожено, замерзло, что стынет, твердеет на холоде ниже нуля”⁶. Это разделение подтверждается в основном примерами, приводимыми толковыми словарями нашего времени: топятся — воск, сало, смола и другие легкоплавкие вещества; плавятся — металлы, стекло, асфальт и т.п. Однако иллюстрации современных толковых словарей показывают, что отсутствуют четкие границы между *таять* — *топиться* и между *топиться* — *плавиться* (стекло, асфальт и топятся и плавятся от жары или огня). Вероятно, многие носители языка различают члены этих пар в зависимости от степени нагрева, но Картотека Словарного сектора Академии наук не дает оснований говорить об их обязательном и четком противопоставлении. Поэтому можно предположить, что в живом употреблении бесспорно различается семантика глаголов *таять* и *плавиться*, а глагол *топиться* или сближается то с тем, то с другим, или выступает как средний член в этом ряду. Следует отметить, что из трех рассматриваемых

⁴ Сошлемся на статьи, опубликованные в сборниках Ленинградского университета: *Словоупотребление и стиль М. Горького* (1962), *Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы* (1964), *Словоупотребление и стиль М. Горького* (1968), *Вопросы теории и истории языка* (1969), на тезисы докладов, прочитанных на симпозиумах составителей „Словаря М. Горького” и на других конференциях (*Тезисы докладов Межвузовского симпозиума составителей „Словаря М. Горького”*, Киев 1966; *Программа и тезисы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения М. Горького*, Ленинград 1968; *Тезисы IV симпозиума составителей „Словаря М. Горького”*, Рига 1971 и др.). Кроме того, аналогичные публикации мы найдем в трудах Саратовского, Киевского, Латвийского, Горьковского университетов и других вузов страны.

⁵ В работе использовались показания следующих словарей: В. Д. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*; Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова; С. И. Ожегов, *Словарь русского языка*; *Словарь современного русского литературного языка*; *Словарь русского языка в четырех томах*, а также материалы Картотеки Словарного сектора Института языкознания АН СССР.

⁶ В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. IV, Москва 1955, стлб. 393.

нами глаголов один, *таять*, не имеет соотносительного переходного глагола, и в качестве залоговой пары ему обычно выступает *топить* (*растопить*). Ср.: тает снег на полях — солнце растопило снег на полях. Это обстоятельство также способствует сближению слов *таять* и *топиться*.

Таковы взаимоотношения между членами анализируемой группы в общенародном языке. Достаточная четкость смысловых отношений позволяет говорить о системности в пределах данной лексико-семантической группы.

Обратимся теперь к языку художественной прозы М. Горького⁷.

Сразу же привлекает внимание, что писатель практически не употребляет глагола *топиться* и производных от него в рассматриваемом значении. Нами обнаружены лишь два факта, самое наличие которых очень показательно.

Миром веяло от сосен, стройных, как свечи, **вытопившаяся** смола блестела золотом и янтарем — (*Жизнь Матвея Кожемякина IX — 468*).

Что же означает словосочетание „вытопившаяся смола”? Речь идет не о процессе превращения твердого вещества в жидкость. Вытопившаяся смола — это смола, выступившая на коре. Иначе говоря, перед нами другой семантический аспект. Слово „вытопившийся” стоит за пределами анализируемой лексико-семантической группы и сближается с ней только по словообразовательному признаку, как производное от *топиться*.

Заслуживает особого рассмотрения и другой случай. Глагол *топиться* употреблен писателем в таком контексте:

— Об этом Аярове стишки злые помню. — И со свистом, сквозь зубы он [Торсуев] прочитал:

Как свеча от воска ярого
От жары уныло **топится**,
Так и от игры Аярова
Зритель с горя в Волге топится.
Если ж Кином он прикинется,
Из архива им же вынутым, —
Вместе с Кином опрокинутым
И смысл здравый опрокинется!

(*Рассказ о безответной любви XVI — 39*)

Стихотворение говорит о стилистической беспомощности его автора и о его горячем желании каламбурить. Сближения слов вызваны только созвучиями,

⁷ В работе использованы материалы Картотеки „Объяснительного словаря автобиографической трилогии М. Горького”, находящейся в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина в Ленинградском университете, а также Картотеки „Словаря повести М. Горького «Фома Гордеев», находящейся в Горьковском педагогическом институте, и факты, собранные нами из томов I - XXII тридцатитомного собрания сочинений М. Горького (Москва 1949 - 1953). При цитировании римская цифра обозначает том настоящего издания, арабская — страницу. Купюры в тексте отмечены знаком — —.

между их значениями нет ничего общего. М. Горький, не любивший и не принимавший словесной игры, построенной на сближении слов, не опирающемся на близость понятий и реалий, использует эти стихи как один из способов разоблачения героя и среды.

Во всех остальных случаях глагол *топиться* замещен глаголом *таять*: „—Мед *таял* и капал на скатерть—” (*Жизнь Клима Самгина XXI* — 285); „—Круглое, пухлое лицо его [Безбедова] противно шевелилось, точно под кожей *растаял* и переливался жир—” (там же, *XXII* — 39); „Липовая баня — точно восковая, *тает*”. (*Вечер у Сухомятина XI* — 265) и др. под.

Таким образом, для обозначения перехода вещества в жидкое состояние под влиянием невысокой температуры, тепла в языке М. Горького используется один глагол — *таять* (с производными, обозначающими разновидности этого процесса). Можно предположить, что в языке писателя мы имеем дело с противопоставлением двух состояний (*таять* — *плавиться*)⁸.

Однако факты говорят о том, что и для обозначения перехода в жидкое состояние при высокой температуре нередко употребляется писателем глагол *таять* вместо ожидаемого *плавиться*. Правда, в значении, близком терминологическому⁹, М. Горький обычно не употребляет ни глагол *плавиться*, ни замещающий его *таять*. Они употребляются в составе сравнения, образно или же в значении 'расплавяться в мареве, утрачивать в знойном воздухе четкие контуры'. Ср.:

Сверкал и плавился на солнце двуглавый золотой орел на вышке царского павильона— (*Жизнь Клима Самгина XIX* — 514сл.)

—Плавится на солнце золоченый крест— (*Ералаш XI* — 227)

—Невольно смотришь вверх, где, в синем зное, остановилось и плавится солнце— (*Весельчак XI* — 403)

—Среди кухни огнем пылал Цыганок

По площади спешно шагал к ветле священник с крестом в руке, крест сиял, *таял*— (*Жизнь Клима Самгина XIX* — 360)

—Кресты на главах монастырских церквей *плавильсь* и *таяли*, разбрызгивая красноватые лучи— (*Жизнь Матвея Кожемякина IX* — 434)

[Витте] смотрел на золотые часы, *таявшие* в руке его (*Жизнь Клима Самгина XIX* — 533)

В синем небе полудня *тает* солнце— (*Сказки об Италии X* — 24)

—В мутноватом небе ослепительно и жарко *тает* солнце— (*Жизнь Клима Самгина XXII* — 449)

Солнце *тает* на землю золотом (Дед. *В людях XIII* — 243)

Яркие пятна праздничных одежд расцвели,

⁸ Вместе с тем в его языке сохраняется глагол *топить*, который выступает в качестве залоговой пары глаголу *таять*. Выше отмечалось, что в общенародном языке глагол *топить* соотносителен с двумя глаголами — *топиться* и *таять*.

⁹ Ср.: „Становиться жидким под воздействием высокой температуры, накаливания (преимущественно о металлах, тех.)” — *Толковый словарь русского языка*, под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, стлб. 275 сл.

—, освещая все вокруг блеском шелка, а шелк, содрогаясь и струясь, словно горел и плавился (Детство XIII — 37) как огромные цветы, а мадонна, вся облитая серебром, как будто горела и таяла— (Сказки об Италии X — 161)

Глагол *таять* проникает в тот участок, который должен бы принадлежать его конкуренту. Более того, довольно часто *таять* и *плавиться* стоят рядом, как синонимы: „—Кресты—плавилась и таяли—“ (Жизнь Матвея Кожемякина IX — 434); „—Зрачки у него (Осипа) всегда точно плавятся, тают“ (В людях XIII — 465); „—Куски янтаря плавятся, тают“ (Пожар XIV — 175); „—Дома таяли и плавилась в красных взрывах пламени—“ (там же, XIV — 170).

Следовательно, глагол *таять* захватывает не только семантический участок, принадлежащий в общенародном языке глаголу *топиться*, но и значение глагола *плавиться*. Правда, в отличие от *топиться*, глагол *плавиться* не вытеснен полностью, в ряде случаев он даже взаимодействует с глаголом *таять*, находясь с ним в одном контексте, а в других случаях выступает самостоятельно. Учитывая, что все это имеет место в произведениях, языковое совершенство которых несомненно, мы можем предположить, что между ними сохраняются различия.

Рассмотрим, во-первых, упоминавшиеся выше случаи одновременного использования обоих слов.

Заходило солнце, кресты на главах монастырских церквей плавилась и таяли, разбрызгивая красноватые лучи— (Жизнь Матвея Кожемякина IX — 434)

Наличие глагола *таять* избавляет читателя от возможности буквального понимания слов „кресты — плавилась“, речь идет о ярком сиянии золоченых крестов в колеблющемся воздухе. Приблизительно такая же картина описана в Жизни Клима Самгина несколько иначе:

Заходило солнце, главы Успенской церкви горели, точно огромные свечи, мутнорозовый дымок стоял в воздухе. (XX — 56)

По-видимому, в обоих случаях речь идет о ярком сиянии церковных крестов и куполов, когда они кажутся зыбкими и подвижными.

Иные причины вызвали употребление тех же глаголов в описании пожара:

Три костра поднимались к небу с веселым треском и воем, дома таяли и плавилась в красных взрывах пламени, по крышам бегали золотые гребни— (Пожар XIV — 170)

Деревянные дома, охваченные сильным пламенем, утрачивают четкость контуров (тают), а сползающие на землю языки огня создают впечатление, что от сильного жара дома плавятся. Именно для более точной передачи зрительных восприятий и использует М. Горький оба глагола, различия в их семантике подчеркнуты союзом *и*.

Соединение этих двух глаголов очень часто призвано передать неустой-

чивость, зыбкость описываемого явления. Для доказательства приведем еще примеры употребления этих слов. В сравнительном обороте:

— Говорил Осип, внимательно глядя на меня васильковыми глазами; *трудно уловить их выражение*, — зрачки у него всегда точно *плавятся*, *тают*. (*В лодях* XIII — 465)

Не менее показателен и такой факт образного применения обоих глаголов для передачи неустойчивости, текучести изображаемого состояния:

В теплой тишине и тьме вдумчиво колеблются лики святых, словно и пред ними встало что-то нерешенное. Призрачные тени, тихо коснувшись лица моего, овевают сладким дыханием масла, кипариса и ладана. Золото и медь стали мягче, скромнее, серебро блестит тепло, ласково, и все *тает*, *плавится*, *сливаясь* в широкий *поток* великой о чем-то мечты. (*Исповедь* VIII — 274)

Итак, оказавшись рядом, *таять* и *плавиться* взаимно поддерживают друг друга, подчеркивая общность в значении.

Особое место занимает, как нам кажется, такой факт:

Если смотреть в его глубину [ущелья], оно, суживаясь, поднимается все выше в сизый туман; туман, густея, закрывает его синим занавесом, а еще выше, под самым небом, тоже синим, *тает-плавится* на невидимом солнце ледяная вершина Карадага, а над нею — светлая, непоколебимая тишина небес. (*В ущелье* XI — 155)

Семантический акцент лежит на слове *плавиться*, способном в большей степени подчеркнуть ослепительность сияния горы. И в то же время соединение обоих глаголов передает всё ту же идею зыбкости, нечеткости, расплывчатости, в данном случае зрительных ощущений.

Мы располагаем и фактами и одиночного употребления глагола *плавиться*. Рассмотрим, чем же вызвано его употребление в таких контекстах, если учесть, что в значениях данного глагола нередко выступает и *таять*.

Один, в нетопленной комнате, освещенной жалким огоньком огарка стеариновой свечи, он [Самгин] стоял у окна и смотрел в тьму позднего вечера. Она в двух местах зловеще, докрасна раскалена была заревами пожаров и как будто *плавилась*, зарева росли, растекались, угрожая раскалить весь воздух над городом. (*Жизнь Клим Самгина* XXII — 531)

Плавиться передает большую интенсивность. Если проделать эксперимент, заменив его словом *таять*, то зловещее впечатление будет значительно ослаблено. Во всех примерах параллельного употребления *плавиться* и *таять* (см. стр. 94) они различаются степенью проявления действия. Ср. еще:

Становится все жарче — В море, у самой отмели, поблескивают серебряные сельди, они кажутся отражениями бескрылых птиц, плавающих в воздухе, невольно смотришь вверх, где, в синем *эное*, остановилось и *плавится* солнце. (*Весельчак* XI — 402сл.)

И применительно к тому же солнцу, но нежаркому, весеннему:

А — май на земле, Волга-то морем лежит, и волна по ней стайно гуляет, будто лебеди, тысячами, в Каспий плывут. Горы-то Жигули, зеленые по-вешнему, в небо взмахнули, в небушке облака белые пасутся, солнце *тает* на землю золотом. (*Дед*. *В лодях* XIII — 243)

Противоречащим сказанному нами может показаться такой факт:

Мреет даль; там в тумане тихо плывет — или, *раскален солнцем, тает* — лиловый остров, одинокая скала среди моря, ласковый самоцветный камень в кольце Неаполитанского залива. (*Сказки об Италии X — 46*)

Но противоречие это кажущееся, вызванное неизбежным схематизмом всякого обобщения. Раскаленный солнцем остров тает (а не плавится) потому, что это „ласковый самоцветный камень”. Иными словами, глагол *таять* должен вызвать у читателя положительные эмоции, место глагола *плавиться* в индивидуальной образно-семантической системе М. Горького не допускает его использование в данном контексте.

Фактов, подтверждающих наше предположение, что *плавиться* в языке писателя выступает как передающий не всякое плавление, а только очень интенсивное, вызванное чрезвычайно высокой температурой, много, и мы на них не будем больше задерживаться. Рассмотрим случай употребления этого глагола в ином значении, хотя и связанном с основным:

Шипел и посвистывал ветер, бил гром, заставляя вздрагивать огонь висячей лампы; стекла окна в блеске молний синевато *плавильсь*, дождь хлестал все яростней. (*Жизнь Клема Самгина XX — 431*)

Всего вероятнее, речь идет о нестерпимо ярком свете за дрожащими стеклами окон, залитых потоками воды. В этом предположении нас убеждает следующее описание:

Когда гремел гром, я до боли крепко закрывал глаза, чтоб не видеть *синюю дрожь стекол в окнах, освещаемых молниями*. (*Рассказ о герое XVI — 76*)

Характерно, что во всех рассмотренных нами примерах невозможна постановка глагола *таять*, так как он не смог бы передать тех дополнительных семантических нюансов, которые присущи только глаголу *плавиться*.

Но в произведениях художественной литературы, как известно, коммуникативная функция сосуществует с эстетической. И поэтому выбор и смысловое наполнение слова могут быть обусловлены чисто эстетическими факторами.

Многие работы членов коллектива лексикографов-горьковцев показывают значительно более тесную связь переносных и образных употреблений слова в языке М. Горького с исходно-номинативным значением¹⁰. Поэтому привлечение этих фактов, а тем более сравнений, выделяющих в качестве *tertium comparationis* существенный для семантики слова признак, не будет натяжкой.

В повести *Жизнь Матвея Кожемякина* интересующие нас глаголы *таять* и (*рас*)*плавиться* использованы для передачи состояния Матвея, глубоко и безнадежно любившего Евгению Мансурову. Приведем эти примеры:

¹⁰ Анализ семантической структуры слова *таять* дан в статье: Ю. С. Язикова, *Семантическое своеобразие лексики М. Горького*. В сб.: *Словоупотребление и стиль М. Горького*, Ленинград 1968.

Кожемякин не спал по ночам, от бессонницы болела голова, на висках у него появились серебряные волосы. Тело, полное болью неудовлетворенного желания, все сильнее разгоравшегося, словно таяло, щеки осунулись, запавшие глаза смотрели рассеянно и беспомощно. (IX — 361).

Он [Матвей] взглянул в лицо ей и почти не узнал ее — так небывало близка показалась она [Мансурова] ему. Задыхаясь, чувствовал, что сердце у него расплавилось и течет по жилам горячими, обновляющими потоками. (IX — 361)

Как видим, чувство любви уподобляется огню. Но чем вызван выбор глагола в каждом случае? Мучительный огонь страсти терзает душу героя¹¹, а пассивное состояние, столь характерное для этого доброго, но ленивого и безвольного, не способного к активным действиям человека, и обуславливает выбор именно глагола *таять*, хотя при этом автор окружает его словами, называющими мучительную силу чувства. Итак, выбор глагола обусловлен в первую очередь образом персонажа. Под влиянием великой окрыляющей надежды на счастье Матвей преображается, и состояние душевного подъема, сменившего сильное, но безвольное страдание, передано словом *расплавиться*. Сопоставление этих двух фактов выявило еще одну грань семантических взаимоотношений в анализируемой группе. По-видимому, *плавиться* отличается от *таять* не только отмеченной выше степенью нагрева, но также интенсивностью самого процесса превращения в жидкость. *Таять* обозначает этот процесс как замедленный, а поэтому у него возможны такие производные значения, как „постепенно уменьшаясь, ослабевая, исчезать, пропадать” и подобные.

Если мы обратимся к приведенным выше примерам, где *таять* и *плавиться* отличались степенью нагрева, то увидим, что почти во всех присутствует и описанный смысловой нюанс: *таять* называет медленное превращение из твердого состояния в жидкое, а *плавиться* характеризует этот процесс как быстрый и даже бурный. Об этом же говорит и следующий факт:

В лугах еще догорают вечерняя заря, стволы берез красны, новая крыша избы у самого берега почти кумачом покрыта, там все плавится в огне и, теряя очертания, течет широкими ручьями красного, оранжевого, синего, а на горе стоит черный ельник и напряженно приподнят, острый, точеный (*На пароходе XI — 106*)

Для описания подобных картин М. Горький значительно чаще употребляет *таять*, особенно в связи с выражением „терять очертания”, в данном же случае энергичность описания обусловила предпочтение глагола *плавиться*¹². Сопоставим наш пример со следующим:

¹¹ Ср.: „опустошенный, изломанный, выгоревший, шел [Матвей] к себе, валился на постель, отдаваясь во власть кошмару мучительных видений” (IX — 336).

¹² Кроме того, здесь можно обнаружить и стремление к благозвучию: обилие взрывных звуков „смягчается” плавным *л* и большей длительностью слова *плавиться*.

Мреет даль, там в тумане тихо плывет — или, раскален солнцем, тает — лиловый остров — (Сказки об Италии X — 46)

Выше мы отмечали противоречие между семантикой *таять* и интенсивностью нагрева, передаваемой словами „раскален солнцем”, объяснив выбор глагола эмоциональной тональностью описания, но, кроме того, *таять* ярче и ошутимее передает ленивую истому жаркого летнего дня.

В заключение мы можем сделать вывод об особых взаимоотношениях членов рассмотренной лексико-семантической группы, существенно отличающихся от взаимоотношений в общенародном языке. Этот вывод свидетельствует, во-первых, о том, что семантическая система общенародного языка не отражается полностью в языке писателя.

Во-вторых, взаимоотношения членов анализируемой лексико-семантической группы в языке писателя выявляют строгую закономерность разделения семантического микрополя, а поэтому мы с уверенностью можем говорить об индивидуальной семантической микросистеме, отраженной в языке художественной прозы М. Горького.

THE STUDY OF SYSTEM RELATIONSHIPS IN A LEXICAL-SEMANTIC GROUP (based on M. Gorki's artistic prose)

by

JULIA YAZHIKOVA

Summary

The article presents an analysis of semantic relationships in a group of verbs denoting the change of solid into liquid under the influence of heating. In Russian the mentioned group of verbs consists of three items: *таять*, *топиться* and *плавиться*. The semantic distinction is made according to the amount of heat necessary to awoke melting. The differences between *таять* and *плавиться* are most evident, whereas the verb *топиться* according to the Dictionary Section of the Institute of Languages of the USSR Academy of Science, is equally semantically related to the two verbs mentioned above. Nonetheless, all the three verbs are widely used and their range of meaning is different.

In Gorki's artistic prose neither the verb *топиться* nor its derivatives have been used. The verb *таять* is used instead. *Топить* which is a transitive verb, goes together with *таять* as far as their voice is concerned. Therefore, various ways of changing solid into liquid are denoted by the two verbs: *таять* and *плавиться*. The difference in meaning between *таять* and *плавиться* lies not only in the amount of heat necessary for melting but also in the intensity of the process of change. *Таять* denotes a slow gradual change of solid into liquid in not very high temperature, whereas *плавиться* a quick sudden change in high temperature.

Gorki's language is characterized by close relationships of meanings within polysemy. An example of this is the mentioned group of verbs and their derivatives.

In the artistic prose of Gorki we are concerned with a lexical-semantic group of words within which close semantic relationships are different than those in everyday language. Lexical-semantic groups of literary and everyday language differ qualitatively as well as quantitatively.